

Растить патриотов

Александр Маслов.

Через прорезь винтовочного прицела, или О том, как нам правильно воспитать молодёжь

Часто сознание формирует иллюзию, что о событиях прошлого, особенно не ушедшем в дальние глубины времени, мы знаем если не все, то очень многое. Дескать, книжки читали, дедушки рассказывали, из школы что-то вынесли. Все так. Не так другое. Книжки, фильмы – ориентированы на авторские идеи, и не больше того. Школьные и институтские знания – на общегосударственные подходы, часто далекие от действи-

тельности, но близкие к линиям с очень размытым горизонтом, далеким от палитры конкретики. А дедушка, в лучшем случае, обозревал фронтовые окрестности через прорезь винтовочного прицела. Поэтому, вероятность получить некую адекватность в оценках очень мала. Даже Г.Жуков в масштабах не все сразу улавливал. Что ж говорить о рядовых бойцах и нас, стоящих уже на временном удалении от некогда происходившего.

Фронтовой фотокорреспондент Воробьев в центре Ельни. Сентябрь 1941 г.

Мне самому о событиях времени, много больше самых увесистых повестей и романов, равно как и маститых мемуаристов, рассказывает, к примеру, скромный снимок, сделанный фронтным фотожурналистом на смоленских дорогах. Не исключая, что «кадр пойман», прошу прощения за профессиональный сленг, на Дорогобужском большаке или Смоленском. Как не исключая и того, что тем фотомастером, что сопровождал в командировке военкора утром 6 сентября 1941 года, когда была освобождена Ельня. Речь о фронтном корреспонденте «Комсомольской правды», писателе, сценаристе Евгении Захаровиче Воробьеве (1911-1990), будущем авторе романа «Высота» (1952), одноименный фильм по которому снят в 1957 году. Тот самый: «Не козегары мы, не плотники, но сожалений горьких нет...» Наверняка кто-то еще помнит эти слова из «Марша энтузиастов». Это из него. А снимок сделан у здания райкома ВКП (б), на фоне дома, в котором довелось когда-то жить самому. Понятно, что вместе с родителями. Это на углу Советской и Энгельса. На втором этаже. Колечки прошлого закручиваются порой уж очень замысловато.

Но это к тому, что каждое открытое имя – это судьба, а десятки, тысячи судеб – страна, сплетенная воедино одной нитью. И масштаб у нее очень даже не хилый. В одной из своих давних и дальних журналистских командировок в Токмак – не Запорожский, а Тянь-Шаньский, зашел в местный краеведческий музей. И увидел в его витрине пробитую каску со следами камуфляжной покраски, горсть патронов, ремennую бляху, что-то там еще. Но больше привлекла внимание положенная там же, в музейной витрине, справка с хорошо знакомой

подписью моего отца, Фёдора Ивановича Маслова. Как офицер Ельнинского военкомата, он свидетельствовал, что останки такого-то жителя этого города в Центральной Азии отыскивали в противотанковом рву под Ельней. Приехал брат погибшего. Весь азиатский Токмак отдал последние почести тому бойцу.

В те же годы же сам возил в немецкое село Каинду, под нынешним Бишкеком, сообщение, что в Ирпене, под Киевом, где жил отец – полковник в отставке, что при дорожных работах нашли останки красноармейца – немца по национальности. Позднее написал книжку о тех киргизско-казахских немцах и их сложных судьбах. Она вышла несколькими изданиями и надела много шума. На моих глазах ею швыряли в работников ОВИРа – дескать, не верим вашему вранью, и требовали немедленного оформления документов на выезд из Союза. Но сегодня, когда из Домодедовского терминала попадаю в самолет, почти полностью забитый бывшими киргизскими немцами, – с детьми, внуками, летящими на малую родину, наглядно вижу, что мои давние оценки тех событий и ситуации оказались не так уж далеки от истины. В моей библиотеке есть сборник стихов поэта и крупного современного лингвиста со стихами из стихотворения «Маме», подаренный автором. Под сказанным в нем готов подписаться и повторить вслед за автором: «...На все вопросы не нашел ответа, но людям я не лгал, хотя и мог...» (Олжас Сулейменов).

Что касается Ельни. Тот, кто хотя бы с толикой внимания всматривался в имена погибших советских солдат в сорок первом под Ельней, под Москвой, в иных местах, не мог не заметить множества немецких фамилий. Я долгое время относил их только к иудейским. Но это не так. В списочном составе Красной Армии на довоенное время и первый год войны значатся сотни тысяч этнических немцев России и других республик бывшего СССР. Это уже позднее их массово, но далеко не всех, отозвали с фронта и отправили в так называемые трудовые армии. Почти не тронутые вниманием масс страниц отечественного прошлого. А эта тема крайне важна для выработки новых решений и подходов и использования их на практике, что невозможно без сложения принципиально иного системного подхода. Мы до сего дня все еще плохо знаем

историю той войны, особенно в деталях такого рода.

Это отчетливо видно по дате 17 сентября – сугубо ельнинской. В этот день, предшествующий городскому празднику Дня гвардии, у братского мемориала отдают последние воинские почести тем, кто был найден поисковыми отрядами на ельнинских полях сражений в течение всего года. 17 сентября 2014 года здесь отпевали по христианской традиции около двухсот бойцов. И так, насколько помнится, уже много лет. Из года в год. Таблички с именами лишь на некоторых из солдатских тех гробов. В этот день их было всего двадцать из двухсот. (Снимки из ельнинской фотоколлекции Федора Евграфова. Свои нечаянно затер. Бывает.) И так, снова повторю, ежегодно. С перспективой на долгие еще времена. За оградой мемориала по номерам машин увидел, что они приехали из Татарстана, Башкирии, с Кавказа, из бывших союзных республик. Подумалось, глядя на это, что ни в одном другом российском, и не только, городе не чтят так ушедший в прошлое Советский Союз, как в этом. Это выглядит странно, и тем не менее, факт: в городе Ельне Союз жив и сегодня. Больше того, наглядно видно, что он готов к своему возрождению. Вопрос – в каком только виде.

Глядя на этот кумачовый ряд, который ежегодно выкладывается в ельнинском мемориальном парке, испытываешь крайне сложные чувства. У всех они разные. Мне вспомнились тогда строки самого последнего большого поэта – из фронтовиков той, уже вроде бы отошедшей в прошлое, войны. Иных таких не будет. И войны, и поэта. Этот сказал перед уходом:

До глубины потрясена,
Земля качается от боли.
Там, где заставила война,
Залег солдат
в открытом поле.
Торчат обмотки, башмаки
Из-под распластанной
шинели.
И пушки бьют из-за реки
По серой видимой мишени.
Под ним, от кровушки пьяная,
Земля дрожит, войне внимая,
До самых недр потрясена,
Контуженно-глухонемая.
А солнце в небе голубом
Лучи свои перепреждает.
А он, уткнувшись в пашню
лбом,
Недвижно смерть
переживает.
Жесткая комкастая кровать.
Рубцы и вмятины на теле.
...Мы не умели воевать.
Мы только победить
сумели.

(М.Ф. Тимошечкин.
1925-2013)

Этот солдат из послевоенных школьных учителей не воевал под Ельней. Скорее всего, он в ней никогда не был. Но что это меняет? Снимок же, что будто стал иллюстрацией к горьким строкам старого воина, попался на глаза случайно. Этих навек припавших к земле бойцов и едва только ею присыпанных,

– с пробитыми осколками касками и неразорвавшейся гранатой в руке, так и отыскивают сегодня молодые поисковики – внуки и правнуки павших. Чтобы отдать последние почести. Нужные уже не им, а нам.

Это по большому счету. В дополнение к нему же – не приведи Господь, смотреть кому-нибудь в лицо старику, десятки лет спустя после войны и только-только узнавшему, где и как упокоилась его кровинка. Мне доводилось. И запомнилось на всю жизнь. Отсюда собственный вывод. Тот, кто по причинам молодости или сезонных обострений, скудоумию или намеренно срывается во всякого рода упреки, обвинения, переоценки, и в малой степени не представляет глубины беды, масштабов, но и ее причин, их значения. Для каждого из нас.

И такая деталь. У околицы почти обезлюдившего ныне ельнинского села Уварово увидел памятный знак бойцам 8-й стрелковой дивизии народного ополчения Краснопресненского района города Москвы. Московский государственный уни-

Командир 8-й Краснопресненской дивизии полковник Д.Скрипников похоронен возле Уваровской церкви.

Даниил Порфирьевич Скрипников (1890-1941) – из кубанских казаков. За бои в первой мировой отмечен полным бантом Георгиевского кавалера и двумя Георгиевскими медалями. В Отечественную наградами обзавестись не успел – не судьба. Лишь в предвоенные годы отмечен почетнейшей – «XX лет РККА». Такая, помнится, была предметом особой гордости у нашего деда. Комдивом – с 1919 года, дружил с Г.К.Жуковым, был его преемником в командовании частями. Ранен в боях 15 раз. Памятники у села Уварово поставлены в напоминание и о его ратном подвиге. Жаль только, что один из этих памятников, вынесенный в чистое поле, являет собой жалкий вид. Не лучшим образом оби-

Солдат, убитый на ельнинской земле.

Убитый на Рославльском шоссе солдат.

верситет считает 8-ю ополченскую своей. У этого села остатки отступавшей с боями дивизии по факту были окончательно добиты гитлеровцами. Захваченный в местной церкви фронтовой госпиталь частью был добит, частью вывезен в близкий от этих мест Спас-Деменский концлагерь. У церковной стены похоронен командир этой дивизии комбриг (фото)

хожена и могила комбрига, что на церковном дворе. Причины тому разные. И, может быть, даже вполне объяснимые. А примеров таких сегодня, увы, достаточно. Что вызывает закономерные вопросы, один из которых – насколько уважительно мы относимся к своей этой самой памяти? То есть к самим себе.

▲ Киев, Ельня, 2014.